

законодательства в Республике Беларусь / И. И. Пырх, О. М. Куницкая // Финансовое право в условиях цифровизации экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, г. Минск, 13 нояб. 2020 г. // Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 118-123.

7. Иншакова, А. О. Вопросы квалификации внешнеэкономической сделки и правовая специфика некоторых ее видов / А. О. Иншакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – №2 (27). – 2015. – С. 37 – 45.

8. Мельников, С. Г. Правовая характеристика внешнеторговых сделок / С. Г. Мельников // Юриспруденция. – №4. – 2010. – С. 159 – 163.

9. Канашевский, В. А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование / В. А. Канашевский. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 608 с.

10. Международное частное право : учеб. / Л. П. Ануфриева [и др.] ; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 688 с.

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ КАК СПОСОБ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

А. Ф. Пьянкова

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет (ПГНИУ), 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 e-mail:
pyankova-af@yandex.ru*

В семейном праве отсутствует понятие «злоупотребление правом», однако в судебной практике оно используется. В статье изучены кейсы, в которых брачный договор, соглашение о разделе имущества, соглашение об уплате алиментов квалифицированы как злоупотребление правом. В таких ситуациях не просто обеспечить баланс интересов кредиторов и членов семьи. Сделан вывод, что баланс интересов может быть обеспечен с помощью ситуационного метода семейно-правового регулирования.

Ключевые слова: брачный договор, соглашение о разделе имущества, соглашение об уплате алиментов, баланс интересов.

Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) не содержит легального определения понятия «злоупотребление правом». Некоторые исследователи полагают, что злоупотребление правом в семейных отношениях и есть осуществление прав в противоречии с их назначением. Это косвенно подтверждается правовой конструкцией п. 2 ст. 7 СК РФ, который гласит, что семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав. В гражданском праве также нередко рассматривают злоупотребление правом как осуществление права в противоречии с его назначением. Особенно такая конструкция была популярна в советское время. В Гражданском кодексе (далее – ГК) РСФСР осуществление права в противоречии с его социально-хозяйственным назначением было под запретом. В действующем гражданском праве эта конструкция не используется, а вот в СК РФ осталась.

СК РФ допускает субсидиарное применение гражданского законодательства к семейным отношениям, постольку мы можем применить к ним ст. 10 ГК РФ. Согласно этой статье под злоупотреблением правом понимается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав

При этом А. А. Кислый обращает внимание на то, что в ГК РФ использована конструкция «отказ в защите права» как санкция за злоупотребление правом, а в СК РФ – отказ в охране права [1, с. 93]. Представляется, что здесь кроется не глубокая мысль законодателя, а всё же недостаток юридической техники.

В гражданском праве часто ставится знак равенства между недобросовестным поведением и злоупотреблением правом (Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 ГК РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127). В то же время существует недобросовестное поведение, которое не может быть квалифицировано как злоупотребление правом. Например, может быть недобросовестным поведение в связи с неисполнением обязанностей.

Ссылки на п. 2 ст. 7 СК РФ в литературе и судебной практике весьма немногочисленны. Зато конструкция «злоупотребление правом» используется в СК РФ применительно лишь к злоупотреблению родительскими правами:

Ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих); при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд (п. 2 ст. 56 СК РФ);

Злоупотребление родительскими правами как основание для их лишения (ст. 69 СК РФ) или отмены усыновления (ст. 141 СК РФ);

Право на защиту от злоупотреблений со стороны опекуна / попечителя (ст. 148 СК РФ).

Как видно, упоминаний о злоупотреблении правом в контексте заключения соглашений СК РФ не содержит. Это и понятно, так как, во-первых, на все случаи жизни норм не напишешь, кодексы не для этого созданы, во-вторых, как правило, злоупотребление правом с использованием семейно-правовых соглашений выходит за рамки именно семейного права.

Какие же примеры можно найти в правоприменительной практике?

1. Брачный договор.

Интересный кейс рассмотрен Тюменским областным судом 05 октября 2016 г. (дело № 33–8151/2016). В 2004 г. между супругами был заключен брачный договор, в соответствии с условиями которого стороны определили, что нажитое ими в браке общее совместное имущество нежилое помещение и транспортное средство, являются исключительной собственностью супруги. Стороны договорились также, что недвижимое имущество будет регистрироваться в течении брака только на имя того из супругов, на чье имя оформлен договор. В отношении такого имущества будет действовать режим раздельной собственности. После прекращения брака в 2016 году между этими же супругами заключено соглашение о разделе совместно нажитого имущества, в соответствии с которым пятикомнатная квартира переходит в личную собственность супруги. Стороны отошли от начала равенства долей супругов в общем имуществе без обязанности возместить компенсацию за переданное имущество.

Суд указал, что супруги вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке (или его части), как на основании брачного договора, так и на основании любого иного соглашения (договора), не противоречащего нормам действующего законодательства. В соответствии со ст. 421 ГК РФ стороны договора вольны определять свои права и обязанности так, как считают нужным, если их воля не нарушает важные принципы права и

конституционные ценности, а также баланс интересов сторон. Так, указание в соглашении о том, что спорная квартира принадлежит единственно супруге, и оно передается ей без всякой компенсации, нарушает принцип равенства долей супругов, согласно которому в случае, если одному из супругов передается имущество, стоимость которого превышает причитающуюся ему долю, другому супругу может быть присуждена соответствующая денежная или иная компенсация (ч. 3 ст. 28 СК РФ в редакции, действующей на момент заключения соглашения). Таким образом, условия упомянутого соглашения не соответствуют требованиям семейного и гражданского законодательства, составлены в нарушение ст. 38, 39 СК РФ, в них не определены доли супругов в общем имуществе и не определен размер компенсации.

Кроме того, при заключении брачного договора и соглашения о разделе имущества супруги не уведомили своих кредиторов. Такие действия супругов направлены на злоупотребление правом. Заключая указанное соглашение, супруги преследовали цель отличную от цели, обычно преследуемой при совершении соответствующего вида сделок, то есть действия супруга-должника не были добросовестными, а значит, с учетом положений ст. 10 ГК РФ, суд обоснованно применил меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны, то есть признал условия соглашения о разделе совместно нажитого имущества супругов и брачного договора не наступившими (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ») [2, с. 210].

2. Соглашения об уплате алиментов

В Информационном письме Свердловского областного суда указано: «На практике довольно часто соглашения об уплате алиментов признаются недействительными не по требованию стороны соглашения, а по искам кредиторов обоих или одного из супругов, права которых нарушаются указанным соглашением, обосновывающих свои требования мнимостью соглашения, злоупотреблением правом (ст. ст. 10, 170 ГК РФ, п. 2 ст. 7 СК РФ)» (Информационное письмо об актуальных вопросах рассмотрения споров об алиментах (утверждено президиумом Свердловского областного суда 23 октября 2019 г.)).

В делах о банкротстве могут оспариваться соглашения об уплате алиментов.

Согласно п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы 3.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» под сделками, которые могут оспариваться по правилам главы III.1 этого Закона, понимаются в том числе действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с семейным законодательством. Поэтому соглашение об уплате алиментов вполне может быть оспорено как подозрительная сделка на основании ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). При этом задача оспаривания упрощается, как правило, тем, что стороны соглашения являются заинтересованными лицами, так как входят в одну группу лиц (п. 7 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве). В то же время цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

В рамках одного из дел о банкротстве оспаривалось соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка в размере 80% дохода должника. Суд согласился с доводами конкурсного управляющего о том, что при совершении оспариваемой сделки допущено злоупотребление правом, а именно: имело место недобросовестное поведение, направленное на искусственное увеличение кредиторской задолженности, и приобретение права преобладающего контроля за процедурой банкротства, что повлекло нарушение баланса интересов должника и иных кредиторов. Однако суд признал сделку недействительной лишь в части, превышающей 25% доходов должника, ссылаясь на положения ст. 38 Конституции РФ, а также на то, что действующее семейное законодательство не устанавливает запрет на заключение соглашения об алиментах при наличии признаков неплатежеспособности (см. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 октября 2014 г. по делу № А79-2594/2013, Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2014 г. по делу № А79-2594/2013).

Таким образом, суд, с одной стороны, защитил интересы несовершеннолетнего, которые в семейном праве имеют приоритет перед всеми другими интересами, с другой стороны, – обеспечил интересы

кредиторов, сузив в данной ситуации действие принципа свободы договора.

3. Судебное расторжение брака и раздел имущества.

Ситуации, когда супруги договорились действовать вопреки законным интересам кредиторов, сложны и многообразны. Поскольку судебная практика об оспаривании брачных договоров и соглашений о разделе имущества в делах о банкротстве уже фактически сложилась, постольку супруги переходят к использованию других схем.

Так, не исключен судебный раздел имущества во вред интересам кредиторов. Здесь может быть два пути:

- заключение мирового соглашения;
- фактическое признание иска.

Вот что случилось в одном споре, рассмотренном в Пермском крае.

Гражданка С. была привлечена к субсидиарной ответственности как руководитель обанкротившегося ТСЖ. После этого она расторгла брак со своим супругом, супруг обратился в суд с требованием о разделе имущества. При этом он просил передать в его единоличную собственность огромный загородный коттедж в элитном посёлке, а супруге оставить долю в праве собственности на квартиру и предметы домашней обстановки. Ответчица возражала по некоторым второстепенным вопросам, но по поводу коттеджа не возражала. Хотя при этом стороны заявили, что у них неприязненные отношения и они не могут проживать вместе.

Заявление супругом С. иска по рассматриваемому делу, а также фактическое признание исковых требований бывшей супругой является формой злоупотребления правом в целях уклонения от исполнения обязательств перед конкурсными кредиторами ТСЖ (ст. 10 ГК РФ). При этом стороны по делу, заведомо зная о наличии долга и законном интересе конкурсного управляющего, не привлекли его к участию в данном деле; не поставили суд в известность о том, что на коттедж наложен арест. Интересы кредиторов в данной ситуации должны превалировать, так как в браке имеют место фидуциарные отношения. Бывший супруг С. должен был знать о действиях бывшей супруги по недобросовестному выведению активов ТСЖ (Решение Ленинского районного суда г. Перми от 28 сентября 2021 г. по делу №2-1885/2021).

В. А. Шаламов [2, с. 212] также обращает внимание на возможные злоупотребления в процессе по разделу имущества. Суды принимают меры к защите прав добросовестного супруга в делах о разделе совместного

имущества супругов, когда искусственно увеличивая свою долю при разделе имущества, один из супругов просит разделить долги, которые возникли из договоров займов с близкими родственниками накануне расторжения брака.

В то же время кредиторы при любом раскладе не могут ставить под вопрос решение супругов о расторжении брака. Вот такая показательная позиция изложена в одном из постановлений ФАС Уральского округа.

Оспаривалось решение суда о разводе. По мнению кредиторов, фактически целью подачи заявления о расторжении брака являлось намерение не исполнять обязательства перед кредиторами за счет совместно нажитого имущества супругов; мировой суд принял формальное решение о разводе супругов; бывшие супруги продолжали совместную жизнь, вели общее хозяйство, совместно воспитывали ребенка, родили еще одного ребенка. Кредиторы настаивали, что супруги использовали право на развод не по назначению, преследовали совершенно иные цели – сокрытие совместно нажитого имущества и нанесение ущерба кредиторам, фиктивное расторжение брака является мнимой сделкой; просили суд применить ч. 2 ст. 7 СК РФ, ст. 10 ГК РФ.

Однако суд не согласился с таким выводами. По мнению Арбитражного суда Уральского округа, доводы кредитора о совместном ведении ими хозяйства, совместном проживании носят предположительный характер, учитывая, что состояние в браке является личным неимущественным правом гражданина, право на расторжение брака является субъективным правом, назначением которого является прекращение брачных правоотношений, когда дальнейшее сохранение семьи невозможно. При этом расторжение брака не препятствует в последующем поддерживать дружеские отношения между бывшими супругами, а совместное воспитание детей является обязанностью каждого из родителей, и наличие доверительных отношений между бывшими супругами не презюмирует злоупотребление правами (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 июля 2020 г. № Ф09-7304/18 по делу № А60-46823/2016).

Таким образом, в этих делах сложно обеспечить баланс интересов супругов и третьих лиц. С одной стороны мы имеем личные неимущественные права супругов и свободу договора, с другой – права кредиторов. Законодатель дал лишь необходимые ориентиры; задача правоприменителей, вооружившись ситуационным методом семейно-

правового регулирования, в каждой конкретной ситуации обеспечить баланс интересов.

Список использованных источников

1. Кислый, А. А. Злоупотребление правом в семейных отношениях и способы защиты [Электронный ресурс] / А. А. Кислый // Молодой ученый. – 2020. – № 7 (297). – С. 93–96. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/297/67360/>. – Дата доступа: 19.06.2022.

2. Шаламов, В. А. Добросовестность и злоупотребление правом супругов при разделе общего имущества / В. А. Шаламов // Молодой ученый. – 2018. – № 2 (188). – С. 209–213. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/188/47820/>. – Дата доступа: 19.06.2022.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ И НЕДОСТАТКАХ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П. Ю. Розон

Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, polinochka.rozon@mail.ru

Т. М. Халецкая

Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, Tania80@rambler.ru

Рассмотрены особенности института медиации в семейном праве Республики Беларусь, совокупность которых позволяет выделить перспективы института и его недостатки, лежащие в основе внесудебной практики белорусского государства; внесены рекомендации, позволяющие повысить авторитет и значимость процедуры медиации в гражданском обществе Республики Беларусь.

Ключевые слова: медиация; медиатор; семейные правоотношения; преимущества медиации; недостатки медиации.

Медиация – альтернативный традиционному судебному способ урегулирования споров. Данный вид деятельности представляет собой